

SANTO
VERSACE

АВТОБИОГРАФИЯ
ОДНОЙ ИТАЛЬЯНСКОЙ
СЕМЬИ

Fashion True Crime Story. Убийство от кутюр

Санто Версаче

**Автобиография одной
итальянской семьи**

«ЭКСМО»

2022

УДК 821.131.1-31
ББК 84(4Ита)-44

Версаче С.

Автобиография одной итальянской семьи / С. Версаче —
«Эксмо», 2022 — (Fashion True Crime Story. Убийство от кутюр)

ISBN 978-5-04-192943-5

Джанни Версаче — всемирно знаменитый модельер, чье имя стало синонимом мира роскоши с середины 1970-х. Гений моды, он делал женщин чувственными и элегантными. С Версаче работали Линда Евангелиста, Синди Кроуфорд, Наоми Кэмпбелл, которых он возвел в ранг супермоделей. С ним дружили Элтон Джон, Стинг и принцесса Диана. Но оглушительный успех Джанни Версаче — заслуга не только его гения, но и таланта старшего брата Санто. Санто Версаче, дипломированный экономист и политик, бросил свою карьеру, чтобы помочь Джанни создать модный дом, — и вслед за ним окунулся в мир роскоши, гламура, невероятных взлетов, падений и драм. Книга Санто Версаче — это автобиография семьи из мира моды, рассказывающая о становлении таланта Джанни Версаче, невероятном успехе модного дома и семейной любви, благодаря которой простая итальянская семья смогла покорить мир. Это первая книга члена семьи Версаче — о жизни, проведенной рядом с гениальным Джанни. В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

УДК 821.131.1-31

ББК 84(4Ита)-44

ISBN 978-5-04-192943-5

© Версаче С., 2022

© Эксмо, 2022

Содержание

Предисловие переводчика	7
1	9
2	13
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Санто Версаче

Автобиография одной итальянской семьи

© Егорова О.И., перевод на русский язык, 2023

© Издание на русском языке, оформление.

ООО «Издательство «Эксмо», 2023

* * *

Предисловие переводчика

Перед нами книга, написанная братом о брате. Оба они работали бок о бок, занимались одним и тем же делом – модельным бизнесом. И функции в их тандеме распределялись согласно «классике жанра». Один, Джанни Версаче, творил и без конца экспериментировал, не обращая внимания на то, что об этом скажут окружающие. Другой, его брат Санто, постоянно старался ввести этот творческий пыл в строгие берега финансовой логики и, надо сказать, очень помогал брату и всегда его поддерживал. При таком распределении ролей и расстановке персонажей книга, написанная Санто Версаче, становится вдвойне интересной, хотя и написана достаточно сухо. Само собой, она густо населена представителями модельного бизнеса того времени: Санто очень щепетилен и пунктуален, когда перечисляет, к примеру, кто присутствовал на показах или на званых вечерах, сопутствующих показам, и в каких ресторанах проходили эти вечера. Сознание того, что он имеет возможность на равных общаться с сильными мира сего, греет его душу.

Надо сказать, что, при всей его красоте и обаянии, Санто Версаче – порядочный зануда. У него склад ума прирожденного финансиста: все на свете должно быть логично, последовательно и точно. Он – хронический отличник. Он и каждую фразу строит так, как и положено ее строить хроническому отличнику. По ходу дела мне приходилось не «причесывать» текст, а, наоборот, немножко его «растрепывать».

В сущности, Санто пишет эту книгу не о Джанни Версаче, а о себе. Даже в самых, казалось бы, трагических эпизодах, связанных с гибелью брата, он все время съезжает на описание собственных эмоций. Ну, таков уж он есть, так его устроила природа. И здесь возникает очень интересный момент: «сшибка»¹ самодовольства и большой любви. Детей в семье Версаче воспитывали в любви друг к другу и постоянно прививали им чувство единения. Они умеют стоять горой за своих, что вообще характерно для итальянских семей. И Санто, выросший в такой семье, прекрасно это понимает. Очень интересно наблюдать, как он, только что с гордостью перечислявший, где к нему отнеслись с почтением, как он сидел за обедом рядом с самим Берлускони, вдруг словно просыпается, и на первый план в повествовании выходит любовь: к семье, к брату, к их общему делу. Он изо всех сил старается писать о близких людях, а выходит все равно о себе. И подборка фотографий говорит о том же. Везде только Санто: Санто на карнавале, Санто на пляже, Санто защищает диплом, Санто уходит в армию... ну, и так далее. Фотографий Джанни гораздо меньше, и все они не слишком удачные: для Джанни абсолютно не имело значения, в каком ракурсе он получится на фото и как он одет, когда его фотографируют. И это не рисовка: ему действительно все равно. У него жизненные приоритеты расставлены по-другому.

Неистовый, своевольный, абсолютно непредсказуемый Джанни был фантастически одарен природой и мог шутя, без всяких творческих мук, «на коленке» набросать модель, которая потом будет приносить миллионные доходы и войдет в анналы модельного бизнеса. И если Санто все время старается «соответствовать», то Джанни каждую секунду вырывается из тех правил, которые Санто свято чтит. Это проявляется во всем: в манере одеваться, в привычках, в стиле общения с людьми. Судьба собственных гениальных находок Джанни, кажется, волнует мало. Его дело – родить шедевр, а воспитанием уж пусть занимается Санто. Даже на показы своих моделей он приезжает не всегда, зачастую доверяя представительство брату.

¹ «Сшибкой» психологи называют внутреннее противоречие, которое невозможно преодолеть, не пожертвовав каким-то самым важным для себя принципом. С точки зрения психологии не жизненные испытания, а именно «сшибки» оказываются наиболее опасными для человеческого здоровья. (Прим. пер.)

Есть еще один момент, о котором нельзя не сказать и который характеризует обоих братьев. Джанни был геем, причем геем счастливым, и не думал скрывать этот факт своей биографии. И Санто относится к этому факту совершенно спокойно и даже довольно резко высказывается о предрассудках. Его позиция такова: человек должен жить по тем законам, по каким его скроила природа. Странная позиция для поборника упорядоченности во всем. Думаю, здесь мы снова сталкиваемся с той самой внутренней «сшибкой», которая прочно обосновалась в характере Санто. Когда в его строго структурированном мире начинает главенствовать любовь, он оказывается способен на неожиданные выводы.

Интересный тандем получается у братьев. Джанни действует спонтанно, мало задумываясь о логике, но всегда безошибочно попадая в яблочко. Санто не может без логики и целенаправленности, но именно эти качества очень часто становятся «подставленным плечом» и спасают замыслы Джанни. Санто ищет общества людей с высоким статусом, без поддержки статусных личностей ему неуютно. А Джанни, наоборот, уходит от подобного общения, ему нужны свобода и, как ни странно, внутреннее одиночество. Может, в этом и кроется одна из важных потребностей настоящих гениев? В своей вспыльчивой неуживчивости и колоссальной одаренности внутреннее одиночество они нащупывают с легкостью. Но далеко не каждому выпадает счастливый жребий иметь такое верное «подставленное плечо», каким был для брата Санто.

Ольга Егорова

Моему брату

1

По утрам я обычно просыпаюсь рано, встаю быстро и сразу погружаюсь в только что наступивший день и в тот, что еще наступит. И в тот, что наступит следом за ним. Я человек настоящего и будущего, всегда таким был и таким останусь.

С детства я был послушным ребенком, с дисциплиной атлета и добросовестностью банковского служащего, тем более что моим первым местом работы был банк. Великий калабриец, писатель Коррадо Альваро в одном из своих дневников написал: «Самое большое несчастье, которое может постигнуть человеческое общество, – это сомнение, стоит ли жить честно». Его слова на всю жизнь стали моими.

У каждого свой характер, свой замес, и мой замес именно такой. Я не попадаюсь в чарующие тенета ностальгии, а всегда стараюсь отпустить прошлое как оно есть, со всеми его водоворотами ошибочных или вовсе не произнесенных слов, с его наследием красивых фотографий и жестов сожаления.

Однако и в моей теперешней слишком активной, подчас лихорадочной жизни, вопреки почтенному возрасту, бывает так, что снова появляются воспоминания о той, другой жизни. И тогда я спрашиваю себя, каким бы я стал и какими стали бы мы все, если бы Джанни все еще был с нами. Если бы все необыкновенные проекты, которые его ожидали и которые мы вместе могли воплотить в жизнь, не оборвала пуля серийного убийцы, выпущенная из оружия 40-го калибра.

В Майами 15 июля 1997 года погибла и часть меня самого.

Когда я разворачиваю ленту памяти, я снова все это переживаю заново. Переживаю мучительную боль от потери брата. И ту жестокость, с какой нашу семью, всегда объединенную любовью и творчеством, заставили облачиться в траур. И ту невосполнимую пустоту, что осталась после смерти Джанни в истории моды, и прежде всего в судьбах стольких людей, друзей и незнакомых, знаменитых и безвестных.

Я снова вижу, как вхожу в Миланский собор в день похорон, назначенных на шесть часов вечера двадцать второго июля. Донателла вцепилась мне в руку, лицо ее закрыто вуалью. Я держусь изо всех сил и изо всех сил стараюсь поддержать ее. Нас окружают люди, много людей, но в этот момент мы с ней глубоко одиноки.

* * *

Насколько я знаю, ни в итальянском, и ни в одном другом языке не существует слова, которое означает потерю брата или сестры. Нет эквивалента понятиям «вдовец» или «сирота». Но боль утраты огромна, и я слишком близко с ней знаком. Может показаться абсурдным, но за всю жизнь мне лишь дважды довелось пережить эту боль. Мне судьбой было назначено дважды стать старшим братом, человеком ответственным, с головой на плечах, на которого всегда можно положиться. Когда мне было почти девять лет, а Джанни семь, умерла наша старшая сестра Тинучча. Я называю ее здесь уменьшительным именем, а полное имя было Фортуната, и ей еще не исполнилось десяти. Эта трагедия потрясла наших родителей и нанесла серьезную травму нам, малышам.

Я очень любил Тинуччу, и почему-то сейчас в памяти всплыла одна сцена. Это было зимой, и в Реджо-Калабрии² выпало много снега. Мы с Тинуччей, в теплых пальто, в шарфах

² Реджо-ди-Калабрия – город в Италии, в регионе Калабрия. Расположен на краю итальянского «сапога», напротив города Мессина на Сицилии. (Здесь и далее прим. ред., если не указано иное.)

до самых глаз, с террасы нашего дома с восторгом обстреливали снежками улицу. Я хорошо помню то простое детское счастье, что охватывало нас тогда.

Когда Тинучча заболела перитонитом, нас с братом отправили к родственникам. Ей становилось все хуже, держалась высокая температура, и врачи ничего не смогли сделать. С ее смертью надолго угас свет, освещавший наши детские дни. По желанию отца мы совсем недавно переехали на виа деи Корреттори и оказались далеко от нашего домашнего врача. Мама очень долго переживала и твердила, что, не будь этого переезда, Тинучча, может, была бы жива. Она все время плакала, испытывая к отцу безотчетную ненависть.

Все эти беды заставили меня быстро повзрослеть, и из мальчишки я превратился в маленького мужчину, не по годам разумного и зрелого. Со смертью Тинуччи моя участь старшего брата была решена окончательно, а характер сформировался внутри этой боли, которую я, как ни удивительно, умел преодолевать.

С этого момента я и стал на всю жизнь старшим братом для Джанни и для Донателлы, которая появилась на свет через два года после смерти Тинуччи и вернула улыбку на лицо мамы и на наши лица. Эта волшебная малышка заняла в семье место ангела. Мы ее обожали, и с первой секунды своей жизни она стала для нас младшей сестренкой, которую всем хотелось приласкать, оградить от бед и бесконечно о ней заботиться.

Тень Тинуччи, а затем и тень Джанни повсюду сопровождали меня, делая, может быть, излишне серьезным, даже угрюмым и очень негибким человеком в глазах многих. Во мне всегда живет бизнесмен, человек цифры. Это верно, однако за быстротой и трезвостью суждений предпринимателя всегда присутствует или, по крайней мере, должно присутствовать представление о мире, этике и моральных принципах, которые надо передать людям. Для меня ориентиром всегда служили люди просвещенные, такие как Адриано Оливетти³. Люди, умеющие завоевывать, но умеющие и возвращать завоеванное.

Представление обо мне как о натуре чрезвычайно цельной, всегда полагающейся на силу, рассыпалось в прах после смерти Джанни. Осмысление всего этого стало путем долгим, трудным и очень личным. За те двадцать пять лет, что прошли с того проклятого дня, я много раз от разных людей слышал один и тот же вопрос: чего мне недостает с уходом брата? Мне недостает его гениальности, его улыбки, вдохновения, а прежде всего – его любви. Время, которое, как известно, лечит, помогло мне справиться с утратой, и теперь, когда наступили лучшие дни, мне даже удастся чувствовать себя сильнее, чем раньше, словно его незримое присутствие внутри меня удвоило мои силы.

Чего мне недостает с уходом брата? Мне недостает его гениальности, его улыбки, вдохновения, а прежде всего – его любви.

В день прощания с Джанни в Миланском соборе, когда мы с Донателлой входили внутрь, площадь перед Дуомо была залита ослепительно-ярким летним солнцем. А внутри без устали суетились фотографы, телекамеры еле успевали поймать в кадр знакомые лица с журнальных обложек, закрытые вуалями или черными очками. За оградительной лентой толпилась публика, пришедшая посмотреть на прибывающих, словно те шли по красной дорожке кинофестиваля: Джорджо Армани, Джанфранко Феррè, Карл Лагерфельд, Валентино, Наоми Кэмпбелл, Карла Бруни, Ева Герцигова, Миссиони и Каролин Бесет, Франка Соццани и Анна Винтур. И еще Стинг с женой Труды и Элтон Джон с Дэвидом Фёрнишем, который потом станет его супругом. Рядом с ними сидела знаменитость из знаменитостей того времени: леди Диана, а с ней – сопровождающая ее представительница из Лондона, девица с длинными рыжими волосами, которая мелкими шажками семенила перед принцессой, пока та шла к своему месту. В те минуты, когда все рассаживались перед началом мессы, по собору прокатился какой-то стран-

³ Адриано Оливетти (1901–1960) – итальянский промышленник и меценат. Для послевоенной Италии он был тем же, кем для дореволюционной России Савва Мамонтов, Третьяковы и Алексеевы.

ный, потусторонний шум. Мессу должен был служить монсиньор Анджело Маджо. Наверное, всем было трудно даже подумать о том, что их сюда привело.

Потом кто-то обвинял нас, что мы устроили погребальное шоу, некое зрелищное дефиле перед священником. А дон Антонио Мацци намеренно поднял вопрос о том, что не следовало предоставлять помещение собора для церемонии погребения гомосексуалиста. Даже писатель Витторио Мессори дал очень жесткое определение происходящему: он написал, что траурная церемония, скорее, смахивала на гей-парад. Двадцать пять лет назад отношение к сообществу гомосексуалов, конечно, было совсем иным, чем сейчас. Меняется время – меняется и восприимчивость (или ее отсутствие).

Джанни хватило мужества публично признать себя геем. Сейчас сказали бы, что он «вышел за рамки». Он и вправду без обиняков высказался об этом в 1995 году в интервью ежемесячному журналу американского гей-сообщества «Адвокат».

Этот поступок могли бы расценить как показной, но на самом деле ничего подобного не произошло: Джанни был слишком умен, чтобы не понимать революционного значения своих слов, и прекрасно рассчитал, какой эффект они произведут. Он всегда смотрел далеко вперед. В том, что касается моды, антуража или «духа времени», он всегда был на шаг впереди. Ему давала силы та внутренняя свобода, которая присуща всем творческим личностям, всем художникам и артистам.

Гей или не гей, но Джанни Версаче заслужил прощание, достойное всей его жизни, рядом со своим спутником Антонио Д'Амико, в окружении родных, друзей и огромного содружества мира высокой моды, где его обожали как прекрасного стилиста и замечательного человека.

Мы добились разрешения почтить его память и отслужить мессу в Миланском соборе благодаря Габриэле Альбертини, избранного мэром Милана два месяца назад. Он взял на себя переговоры с Курией, которая дала свое согласие.

В этот день все модные магазины знаменитого «Миланского четырехугольника» были закрыты в знак траура. Мы отвезли прах Джанни на озеро Комо. Он очень любил это место, куда мы столько раз приезжали все вместе, счастливые и дружные. Мы, его братья с семьями, мой отец и кузина Нора из Реджо-Калабрии, друг Джанни и множество тех, с кем ему надо было обсудить вопросы общей работы. Приезжали и знаменитости. Джанни умел собрать вокруг себя совершенно разных людей. Он общался со всеми, и ему все было интересно. Меня никогда не удивляло, что многие крупные артисты, музыканты и те, кого называют элитой общества, считали его своим другом. И это была настоящая дружба, а не просто светские знакомства.

Одним из образов того дня, навсегда врезавшимся в память, было убитое горем лицо Элтона Джона. Слева его обнимал и поддерживал Дэвид Фёрниш, а справа с материнской нежностью поглаживала его руку леди Диана.

* * *

Они с Дианой вошли в жизнь друг друга несколько лет назад, когда она рассталась с принцем Чарльзом и могла позволить себе отойти от правил, которые предписывали ей носить одежду только британских стилистов. Анна Харви, тогда вице-директор филиала журнала «Вог» в Великобритании, связала нас с ней, и с этого момента у нас на виа Джезу в Милане имелся специально изготовленный манекен по ее размерам. Мы посылали закройщиков в Кенсингтонский дворец, в ее резиденцию. Для последней доводки в Лондон вместе с двумя портнихами отправлялась Франка Бьяджини, мастерица высочайшего класса. Несколько раз Джанни ездил сам. С принцессой у него складывались отношения взаимоуважения и поддержки. Для него одевать женщину, которую фотографируют чаще всех в мире, стало чем-то вроде обретения Святого Грааля славы. А для нее прославлять красоту его творений означало объявить всему миру, что она обрела свободу.

Для леди Ди прославлять красоту творений Джанни означало объявить всему миру, что она обрела свободу.

В их отношениях был один критический момент, связанный с выходом нашей книги «Рок и аристократия» («Rock and Royalty»)⁴ с фотографиями английской королевской семьи, чередующимися со снимками таких великих мастеров, как Ричард Аведон и Ирвинг Пен⁵. Диана написала предисловие, однако потом, поскольку в книге содержались изображения, которые могли быть расценены как скандальные и вызвать полемику с Виндзорским дворцом, забрала его обратно. В конце концов от текста осталась всего одна фраза, и инцидент кончился ничем. Диана всегда была под прицелом желтой прессы, и окружавшая ее атмосфера вечной необходимости отбиваться от посторонних суждений ее пугала. Но она не прервала отношений ни с Джанни, ни с королевским домом. И доказательство тому – ее приезд в Милан, сначала в домашний траурный зал, а потом и в Дуомо на мессу.

Чуть больше месяца спустя и она покинула этот мир. В то проклятое лето рушились целые миры, и не только наш.

В известном смысле, в эти несколько месяцев вдруг, раньше назначенного срока, закончились девяностые годы. Завершилась целая эпоха, в которой мода Джанни оставила неизгладимый след.

⁴ Rock and Royalty: The Ever-Changing Look of Versace's Couture As Seen – and Modeled – by the Kings, Queens, and Jokers of Rock & Roll (1997). На русском языке не издавалась.

⁵ Культовые фотографы XX века. Ричард Аведон делал съемки для дома Christian Dior с 1947 года. Работы Ирвинга Пена для журнала Vogue сформировали выразительный минимализм студийных съемок моды.

2

«Sugnu rара е rаріu». Дословный перевод с калабрийского диалекта: «Я папа, и я папствую».

Перевод с нашего семейного диалекта: «Командую здесь я».

Эту фразу часто произносила моя мама Франческа, для всех Франка.

Это утверждение и шутливым-то нельзя было назвать, настолько оно соответствовало истине: маму все мы слушались беспрекословно.

Женщина сильнейшего характера, она воспитывала нас скорее влиянием, укореняя в нашем сознании преданность работе и своим жестким установкам. Ее отец, Джованни Оландезе, от которого моему брату Джанни досталось имя, был сапожником.

Анархист по складу ума, он вечно организовывал какие-то манифестации, распространял листовки, а в юности попал на полтора года на галеры за то, что освистал знаменитого генерала Морра, который прославился жестоким подавлением волнений, возникших на Сицилии в конце девятнадцатого века в связи с разоблачением движений фашистского толка. Деда отправили в ссылку в Липари до 1914 года. Существует документ, датированный 1914 годом, согласно которому префект Мессины разрешает ему вернуться в Реджо-Калабрию, поскольку «с некоторых пор его дела в Липари идут неважно по причине длительного кризиса надомных ремесел, тем более что его клиентами в основном являются коммерсанты и рабочие, проживающие в индустриальном пригороде Каннето. В Липари Оландезе не позволял себе никаких манифестаций и пропаганды и придерживался строгой морали. Он отказался от прежних анархических идей и проявляет себя как трудолюбивый работник и прекрасный отец семейства. Исходя из этого, предлагаю вычеркнуть Оландезе из списка неблагонадежных».

Всем известно, что наша мама была портнихой, и Джанни начал увлекаться модой в ее пошивочной мастерской, среди ярких красок и шуршания тканей: мой брат ползал среди оборок и кружев, пока мама булавками выправляла силуэты одежды прямо на клиентах.

На самом деле мама хотела стать врачом. Но ее отец, хоть и революционер, но, видимо, с ограничениями, если речь шла о содействии женской эмансипации, запретил ей учиться дальше после получения школьного аттестата. Он говорил, что женщине не пристало работать рядом с мужчинами, что это «не есть хорошо». Наверное, он сознательно не упоминал о том, сколько стоило в то время обучение на врача, и о том, что он просто не мог себе это позволить. Какова бы ни была причина, а факт тот, что мама решила для себя: она станет портнихой. Этот выбор переписал историю нашей семьи и направил ее в определенное русло, поскольку позволил расцвести таланту Джанни.

Франку отправили учиться ремеслу к «парижанке», портнихе из Реджо-Калабрии, которая велела так себя называть, потому что училась в Париже. В 1940 году, закончив долгое обучение, мама открыла свое ателье под собственным именем: Франка Оландезе. Живой ум, трудолюбие и виртуозное умение разговаривать с клиентами до самой смерти остались с нею.

В ней сосуществовали творческая натура, вкус, предпринимательская жилка и врожденное чувство справедливости. После смерти отца мой дядя Раффаэле, мамин брат, захотел облегчить себе жизнь и чуть не поддался модному поветрию и не записался в фашистскую партию. Этого никогда не допускал мой дед и не позволил этого своим детям. Мама запретила Раффаэле даже думать об этом. «Нечего подвергать себя такой опасности», – отрезала она. С Франкой по-другому было нельзя.

Самая младшая из сестер, она обладала маршальской хваткой и всегда брала на себя командование, действуя исключительно в общих интересах.

Маленький Джанни ползал среди оборок и кружев, пока мама булавками выправляла силуэты одежды прямо на клиентах.

Она в любых обстоятельствах бросалась в бой, чтобы защитить нас, детей, поскольку знала нас, как никто другой. Например, когда Джанни еще находился в детском саду при монастыре (монахинь он терпеть не мог и называл «портяночными головами»), маму однажды вызвали туда, и в голосе монахини звучала большая тревога. Если верить монахине, то ребенок чуть ли не с пеленок стал уже сексуальным маньяком. Доказательством его преступной деятельности послужили нарисованные им портреты звезд кинематографа: Софи Лорен, Джини Лоллобриджи и Сильваны Мангано. На рисунках он одевал актрис в платья собственного изобретения, которые подчеркивали все изгибы и выпуклости их тел, причем ничего не убавлял и не прибавлял. Он объяснил геометрическую концепцию рисунков: каждая из актрис получила оценку размера груди в квадратиках. Грудь Лоллобриджи оценивалась четырьмя квадратиками, грудь Лорен – пятью, а грудь Мангано – шестью. Метод оценки вполне себе научный. Мама приняла к сведению, монахини успокоились, а мы потом еще долго не могли успокоиться и хохотали от души.

* * *

Мой отец Антонино, которого все называли просто Нино, остался сиротой в пятнадцать лет. У него было три брата и сестра. Самый старший из братьев, Доменико (по-домашнему Мими), заменил ему отца. Нино был феноменально одаренным спортсменом: чемпионом по велосипеду и кроссу, отличным футболистом (играл в левой защите и левой полузащите). А вот вступительные экзамены в гимназию провалил и поступил на самое легкое отделение лицей: педагогическое.

Перед смертью его отец, то есть мой дед по отцовской линии, которого, как и меня, звали Санто, взял с него клятву, что он получит диплом. Клятву он сдержал и диплом учителя получил. По специальности он никогда не работал, зато непрерывно учил нас. Учил всему сразу: литературе, жизни, мудрости и мужеству. Он постоянно что-то нам рассказывал или брал в руки книгу, приучая нас к этой замечательной привычке. Прежде всего ему это удалось со мной, потому что мы очень друг другу доверяли.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.